

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И МОЛОДЕЖЬ.

у нас вот ни одной серьезной работы, которая бы действительно по своим материалам изучила М. Горького на широком материале, когда в нашей русской литературе назрело переломное, кризисное состояние, а все ближе и ближе к 1905 г., и когда М. Горький во главе плессы новых русских писателей, которые вместе с призывом «Буревестника» все более и более стали во главе общественного сознания, вставали в ряды с одной единственной целью: к борьбе с теми узаконенными, государственными, социальными порядками, которые мешали нашей родне, которые упирались все живое в ней. Исследования русской литературы до сего времени не отмечают того, что произведения М. Горького в особенности те годы были не только знаменем, переходящим в революционную историчность, но они давали идейный и передовой решительный толчок многим и многим, побуждали к революционному пути, к тому, что уже устремлялось по этой стезе, открывали новые силы, открывали новые пути, побуждали к подвигу самопожертвования. Мы почти не знаем еще писанных и печатных исследований, хотя и знаем сотни и тысячи случаев из жизни, которые свидетельствовали нам о том переломе, переорудении молодых душ, когда программа бича того, что проливалась кровью. Люди покидали свое уютное благополучие, а с ним и свое кроткое мироощущение и, пробужденные, пламенно бросались в революционные организации, чтобы там прожить или «жить по свободе, или умереть в борьбе». Вот почему печатались все подобные материалы мы считаем в высшей степени необходимыми и нужными как для исследования общественного настроения эпохи 1910 годов, так и для характеристики творчества М. Горького на старую и «разночинскую» молодежь и рабочую общность. Мы не имеем никакой выписки из дневника петербургской журналистки 1904—1905 г. Очевидно, автор этого дневника принадлежал к группе лиц, вступивших в общественные отклонения, бывшие в то время налицо, и интересовались не только тем, что нужно было изучать на курсах, но в вопросах литературно-художественного творчества, театра и искусства. Мы полагаем, что такой дневник должен был быть опубликован полностью, как нечто незаменимый документ для изучения той уже отдаляющейся от нас эпохи, стоящей за гранью трех революций. В этих отрывках дневника мы видим, как при чтении произведений М. Горького, его «Фомы Гордеева», «Барышня Олесовой», «Мещан», «Буревестника» и, наконец, «На дне», идем все более и более захватываемую молодую девушку, перерабатывают ее мироощущения, перерабатывают ее остроту и сердечные мысли, волнуют и очаровывают в свою очаровательную власть так глубоко и так сильно, что, выйдя из школы, она, приехавшая в Петербург, как почти вся молодежь того времени, лишь избирательно познакомилась с М. Горьким, в революционные

улучшить жизнь всем, всем, всем. А как ее улучшить, об этом вы ничего не говорите. И никого-то вы своей бездушной наукой не толкаете к тому, чтобы хотеть действительно улучшить жизнь. А жизнь все также вражда, и ее науки, ее горе требуют героев. Где они?»

24 марта 1902. Я прочла «Мещан» Горького. Мне странно нравится бойкий тон Нила. Я вычитала наизусть «Буревестника», и уже чувствую, с каким подъемом и его буду говорить на вечеринке. Как хорошо Горький улавливает то, что влечет в воздухе! Пахнет большой очистительной бурей. Все эти студенческие демонстрации, все эти протесты, лаборатория, ведь, это только начало. Студенчество мещется прямо на глазах, толпа на улице, в особенности на окраинах, и та уже другая стала,—не так уже разрешает измываться над собой всякому городскому.

23 февраля 1903. В. Ф. с восторгом

пы еще до Горького давали и Толстой, и Достоевский, и еще не знаю кто. А если так, то почему именно горьковские типы так захватывают?

18 апреля. Была второй раз «На дне». Публика устроила автору овацию, кричала ему многократное спасибо, послала ему благодарственную телеграмму. Была бы я богата, я бы всю сцену зашила цыганки. Второй раз пьеса действовала еще сильнее первого. Хотел весь день под впечатлением ее спать не спать.

24 апреля. Вчера была на последнем представлении «На дне». По окончании представления все отправилось вниз для оваций. Крики, шум, гул, невозможный, летящие па сцену цветы, летящие к потолку шляпки... У выхода толпа молодежи еще раз устроила овацию артистам. И вдруг наэлектризованная толпа, как по команде, запела «Солнце восходит и заходит», и под стройное пение двинулась вперед по Фонтанке. А фараоны, не ожи-

На мое окончательное решение почему-то сильно повлиял Горький и его «На дне». Почему? Думаю, потому, что здесь он ярче всего показал, до какой бедны могут дойти под влиянием социального неустройства даже лучшие и даровителнейшие по природе люди. Эта судьба может постигнуть каждого из нас. Этого ужаса первей пещера. Против этого надо бороться всеми силами. И будем бороться!

Любознательно наблюдать это подростковое революционное чувство под прямым воздействием художественного изображения захватывающих и поглощающих сцен из «На дне» Горького. Достоевский литературные превращались здесь, в мещанской повседневности, в достижения общественные, революционные. Как характерно и как знаменательно для той эпохи угасавшего народничества это порицание и Вейнберга и Михайловского, и всех этих «Дядей Ваней», от общества, и от былой, перешедшей себя революцией свидетелей годов, у кого все оставалось лишь в прошлом.—Ведь, все это писал и Достоевский и Толстой — восклицают они. А вот, подите, Горький сказал «все то же», но как-то так по новому, что все забродило, все заходило ходуном, как некогда не ходило ни от гениальных произведений Толстого, ни от жутких трагических пьес Достоевского. В этом замечательном горьковском произведении нашлась та «изюминка» времени, которая всколыхнула, взбудоражила всю среду, все общество, и это новое в русской литературе, бывшей по русской общественности, пошлое и покатилось далеко туда, в рабочий класс, в самые низы пролетариата, ремесленников, кустарей и даже в крестьянство. Все эти герои и персонажи Хитрова рынка не раз описывались в русской литературе, но никогда еще не жили ни на сцене, ни в литературе. Это впервые пришли они оттуда, с этого действительного дня жизни, пришли и встали они перед лицом потрясенной общественности, прежде всего, показав себя такими, какие они есть на самом деле. Широкая публика увидела оборотную сторону медали своего собственного общественного бытия. Лохмотья, нужда, голод, вырождение, алколизм, свирепая зависть и жадность, разврат,— все это перемешанное с чувством истинного братства, благородства, гуманности, альтруизма, покрытое одаренностью и талантливостью отдельных натур, гибнущих, безвозвратно погибших и рвущихся к общественному спасению.



М. Горький со своей женой Е. П. Волжиной во время пребывания в Нижнем-Новгороде.

говорила о горьковском «На дне», которое она видела в Москве. Художественный театр привез сюда на короткое время с этой пьесой и с чеховским «Дядей Ваней». Я обязательно хочу туда попасть. Пьеса уже при чтении чрезвычайно сильно действует. Пока мы с Женей поем полтучу безнадежного отчаяния пононе боюнок из «На дне». И мне хочется найти какой-нибудь выход из этого безнадежного отчаяния, с которым я никак не могу мириться! Мы с Женей уже прасочили к песне бойкий, воинственный третий куплет.

2 апреля. Сейчас вернулась из Художественного. Была «На дне». Мои впечатления? Люди живут для лучшего. И я думаю, что много-много людей родилось, жило и умерло для того, чтобы родился Горький. Он из пророков «Добра». Благодаря ему, его помощью станет лучше жить огромным, наиболее несчастным массам людей. Такие дела, как это его «На дне», сразу поднимают дело вперед на огромное расстояние. Неужели уже теперь скоро станет лучше? Должно стать лучше! Ведь, ни у кого больше терпения нет: «зао кругом чертур уж гнетет, пошь кругом чертур уж темна». И вместе с тем, трудно верить: еще слишком много темных умов, а, главное, темных сердец.

12 апреля. В нашем «обществе» идут споры, разговоры и пересуды без конца—все по поводу «На дне». Вся пьеса, как один человек, осуждает пьесу, начиная с Михайловского и Вейнберга и кончая мелкими сопками. «Горький не драматург, в его сценах нет действия, нет узла, в его лицах нет живности,—это философствующее философией самого Горького маршкетство; вся пьеса только и делает, что бьет на первый без всякого смысла, но дает ни эстетического, ни нравственного удовлетворения» и т. д. и т. п.

Чего они хотят? Я думаю, все они глубоко достаточно знают, чтобы не осуждать от него красивых слов, чарующих картин, вообще эстетического наслаждения. И должны же они тоже понять, что его гордый, свободный, независимый дух не может мириться ни с какими общепринятыми произвольными формами.—Бьет на первый? Вызывает истерики? Да не лезте же вы, слабонервные дяди Ваня с компаниями!—Кто вас просит? Я почем вы знаете, что пересваки «На дне» не типы, а фантазия Горького? Вы, оживившие типы, разве когда-нибудь бывали в такой среде? И вы же сами себе противоречите, говоря, что не можете

давши, так же как сама толпа, подобно кауза, растерянно смотрели вслед импровизированной демонстрации в России, не разогнанная пагайками и шашками городовых и жандармов!

30 апреля. Прочла критическую статью Михайловского. Я в существительном согласна с ним, что Горький не драматург, что «На дне» не драма, что он скорее публицист, чем драматург, что его герои изрекают его собственные—Горького идеи и т. п., и т. п. А главное, что он еще не готов, не нашел еще, еще идет.—И славно, и отлично! Кто так пламенно, напряженно, всеми силами души ищет, найдет непременно, найдет, и не успокоится, пока не найдет нечто действительно ценное. Он не удовлетворяется крохами. Он проложит свой путь во что бы то ни стало. А что касается всех его мелких недостатков, так не в них суть. Ему нельзя разбиваться на мелочи.

20 сентября. Вчера был у меня чрезвычайно счастливый день.—я его никогда не забуду. Был вечер в честь Короленко. Нас, курсисток и студенток, целая прорыва прошла зайцами. Читали чудные вещи Короленко, но как-то без оживления—не расогрело. Из писателей видели Михайловского, Вейнберга, Потапенко, Аляевского, Анненкову, Шапир, Чирякова и... Горького! Были, говорят, еще Осипов и Телешев.

Как меня обрадовала встреча с Горьким! Он вовсе не тот покладный, эторовенный мужик, каким он кажется на открытках и портретах. Это высокий, чрезвычайно стройный, худой до невероятности человек, с возможными, желтоватым лицом, с плотно обтянутой кожей. Волосы коротко острижены. Одет он в черную суконную рубашку и высокие сапоги, очень скромно, но хорошо сшитые. Мне кажется, что он очень стесняется, даже страдает под любознательными взглядами публики. И я, прележаясь, принадлежала к тем, которые проникли в артистическую, чтобы увидеть его лицом к лицу. Только я не глядела на него в упор, как другие и ничем ему не мешала.

3 октября. Я окончательно решила, что у меня уже давно назрело. В такое время нельзя жить только для науки. Она поможет делу переустройства жизни, но еще мало долго и упорно бороться за ее право на это. Я записалась в эти борцы—будь, что будет. «Пускай погибну я»—не я одна. И наступит время, когда мы будем не только доживать, но и козоблать,

Маститые критики не хотели понять того, что на молодежь, на все деятельные элементы революционной борьбы эпохи начала двадцатого века, на пьесы Горького глянуло подлинное лицо уничтоженной, пришибленной жизни, через голову которой всем виднелись рабочие кварталы фабрик и заводов, бесконечные кадры пролетариата, все время пополняемые из истомленного ищающего и разорявшегося крестьянства. Ведь и отсюда, и из этих рядов возрождавшегося, готовящегося к борьбе класса, выпадали элементы, нередко падавшие «на дне» жизни. И вот этого-то нового ничего, ни капельки, не усмотрели, не почувствовали суровые критики-мастодонты, критики общественно-вымирающей эпохи уже далекого прошлого, всегда с презрением относившейся к «разлагающейся» жизни города, уничтожающей предостерегаемого и сильно потусклевшего «деревенского» дала. И эта новая жизнь властно тинула к себе всех, жаждавших политическую борьбу, прежде всего, с кровавым сагдоржавием во имя борьбы классовой, за социальную революцию, провозглашенную той неуязвимой и неуемными крайними левыми социал-демократами, которые в политической революции еще не видели окончательного одоления врага, а требовали всею коренного переустройства общества, на основе полного свержения класса эксплуататоров.

Новая жизнь, забитая и паронетным ключом свежих, бойких, полительных, подогретых вод самых мощных, но до времени приретенных, пластов общественного строения, все более властно провалила себя и звала всех на борьбу, на роизительный бой с классово-враждебными силами, и лучшей передовой интеллигенции, и Мовским Горький, в самых ее первых рядах, выдвигал боевые форты своего могучего, революционно-художественного слова в самую гущу наших врагов, ее прирости стал ольгата сирого порядка. Бро лучшее творчество созвучно было всему революционному новой эпохи, и надо было пережить те времена, чтобы понять, как подымала, возыпала и звала на борьбу его «Песня о соколе» и другие его революционные произведения того времени. Хорошо, что Горький и теперь с нами, что он к нам идет, что он напишет книгу о стране Советов. Молодежь и здесь очень многому научилась у Горького.